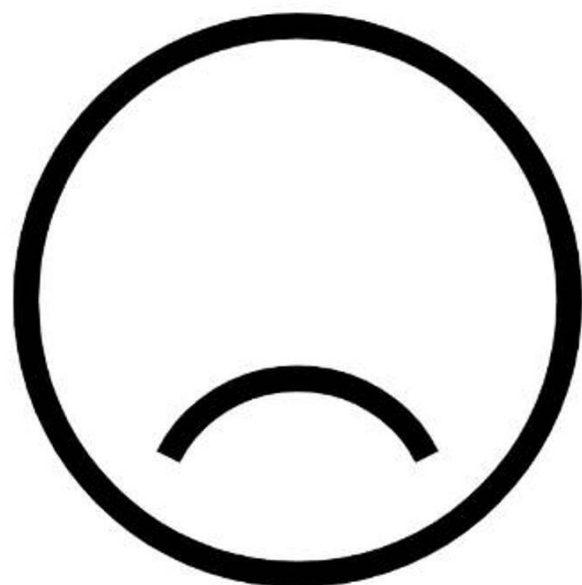


Максим Козлов

ПЛОХИЕ ЛЮДИ



18+

Максим Козлов

Плохие люди

«Автор»

2026

Козлов М.

Плохие люди / М. Козлов — «Автор», 2026

Сергей Корнеев — обычный менеджер. Жена, двое детей, ипотека, любовница, которую он бросил. Он не считает себя плохим — просто «устал», «не сложилось». После аварии его сознание расщепляется, и он проживает события своей жизни заново — глазами тех, кому сделал больно. Брошенная женщина. Забытый сын. Доведённый до петли сотрудник. Умершая в одиночестве мать. Проданная за контракт дочь. Тридцать семь жизней, тридцать семь приговоров. Он выйдет из комы, будет помнить всё и попытается стать идеальным. Но голоса не замолчат. Эта книга — жестокое зеркало, в котором каждый увидит себя. После неё невозможно оставаться безучастным к собственным «мелким подлостям». Вы начнёте смотреть на себя чужими глазами. И, возможно, начнёте меняться. Пока не поздно.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Стекло	5
Выпускной	10
Сорок сантиметров	15
Красная Москва	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Максим Козлов

Плохие люди

Стекло

Сергей не любил дождь. Он не любил его с самого детства, когда капли заливали треснувший шифер на даче и мать ставила тазы посреди комнаты. Вода барабанила по железу, и этот звук ввинчивался в мозг. Сейчас, стоя в пробке на кольцевой, он смотрел как дворники размазывают грязь по лобовому стеклу и думал о том же самом. Только теперь звук был другой. Гул мотора, хрип радиостанции «Бизнес ФМ» и это чертово шуршание резины по стеклу.

Он опаздывал.

Опаздывал на встречу, которую сам же назначил. Ирония заключалась в том, что встреча была посвящена тайм-менеджменту и эффективности работы отдела продаж. Кому-то наверху пришла в голову светлая мысль нанять коуча, и теперь Сергей должен был сидеть в переговорной с натянутой улыбкой и записывать дурацкие аббревиатуры в ежедневник. SMART, GROW, BANI — какая к черту разница, когда план горит.

Машина дернулась. Коробка-автомат, которую он купил в кредит полгода назад, тупила. Сергей надавил на педаль, «Киа» нехотя поползла вперед, вливаясь в поток. Асфальт блестел жирным маслянистым блеском. В боковое зеркало он увидел как брызги из-под колес соседней фуры летят прямо на капот.

— Скотина, — сказал он вслух. Без злобы. Просто констатировал факт.

В голове крутился вчерашний разговор с женой. Лена стояла на кухне и резала овощи для салата. Нож стучал о доску с каким-то истеричным упорством. Она говорила о том что их старший, Артем, опять подрался в школе и его вызывают к директору. Сергей кивал, пил чай и смотрел в телефон. Там мигало сообщение от Алины. «Ты обещал». Короткое. Злое.

Он удалил его не читая.

Лена продолжала говорить — что у мелкой, у Кати, скоро выпускной в музыкалке, что нужно купить платье, что она записалась к парикмахеру, но денег не хватает, потому что за ипотеку сняли с опережением. Сергей поднял глаза.

— Я зарабатываю как могу, Лен. Ты же видишь.

— Я вижу, Сережа, — сказала она. И почему-то от того как она это сказала ему стало неуютно. Не виновато, а просто неуютно. Как будто в комнате сквозняк.

Он тогда встал, поцеловал ее в макушку, пахнущую чем-то цветочным, и пошел спать. Секса не было уже месяц. Ему не хотелось. Он думал о цифрах. О том что «Девон-Строй» задерживает оплату по тендеру уже на две недели. О том что Кравцов, его зам, опять накосячил с коммерческим предложением.

Сейчас всё это казалось мелким и неважным.

Навигатор перестроил маршрут. Женский голос посоветовал свернуть на дублера через девятый микрорайон. Сергей послушался. Он не любил спорить с техникой. Улицы здесь были узкие, заставленные припаркованными «корытами» старых иномарок. Кое где из люков торчал пар. Слева промелькнула ржавая детская площадка, справа — бесконечное полотно бетонного забора, разрисованного граффити.

Он подумал об Алине.

Вспомнил не лицо, а тело. У нее была родинка на внутренней стороне бедра. И смех глупый, залиvistый как у девчонки. Они познакомились на корпоративе два года назад. Она работала в бухгалтерии. Все началось с шуток в курилке. Потом — гостиница на выездном

тренинге в Твери. Дурная провинциальная романтика, шампанское из пластиковых стаканов. Ему было сорок, ей двадцать четыре. Она верила что он разведется.

Он даже сам в это почти верил, пока она не пришла к нему в кабинет с двумя полосками и мокрыми от слез глазами.

— Это твоё, — сказала она. — Что нам делать?

Вот это «нам» и решило дело.

Сергей не любил когда его загоняли в угол. Он сказал что-то про карьеру, про детей, про то что сейчас непростое время и санкции. Нес чушь. Она плакала и говорила что боится. Он обещал помочь с врачом. Дал денег. Много. Снял с заначки которую Лена не знала.

Потом она уволилась. Исчезла.

Он не знал сделала она аборт или нет. И знать не хотел. Так было проще. Он убедил себя что поступил честно. Что заплатил. Что дал ей свободу выбора, в конце концов. А чувства? Чувства это плесень. Они заводятся там где сырость и лень. Он это где-то вычитал, кажется в паблике с цитатами.

Стрелка спидометра подползла к восьмидесяти. Дорога была пустая, мокрая, серая. Светофор на перекрестке замигал желтым. Сергей машинально прибавил газу чтобы проскочить.

Успел.

Мелочь, а приятно. Как в компьютерной игре — прошел уровень.

Он потянулся к подстаканнику за остывшим кофе. Картонный стаканчик был теплым и немного влажным снизу. Сделав глоток, он поморщился — жидкий американо превратился в бурду. И в этот момент периферийное зрение зафиксировало движение справа. Что-то темное, большое, нелепое.

Грузовик.

Водитель «Газели», груженной кафельной плиткой, отвлекся на упавший телефон. Он нагнулся за ним, руль вильнул. Многотонный фургон вылетел на встречную полосу прямо перед капотом Сергея.

Времени на испуг не было.

Был только резкий, инстинктивный рывок руля вправо. Сергей дернул «баранку», уходя от лобового столкновения. В эти доли секунды мозг успел обработать входящие данные: слева — грузовик, справа — бетонный столб освещения. Выбора не было. Он выбрал столб.

Удар.

Звук был не таким как в кино. Не было взрыва, скрежета металла и крика. Был просто глухой хлопок, как будто исполинский кулак врезал по кузову. Подушка безопасности вышибла ему грудную клетку с такой силой, что дыхание исчезло. Не перехватило, а именно исчезло, растворилось в горячем воздухе салона.

Машина закрутилась юлой. Мир перевернулся. Лобовое стекло пошло паутиной трещин, и сквозь них Сергей увидел небо. Серое, декабрьское, бесконечно равнодушное. Звуки вернулись разом. Скрежет, шипение пробитого радиатора, и чей-то далекий крик: «Мужчина! Муж-чина!».

А потом наступила тишина.

Глубокая, ватная, как в комнате с хорошей шумоизоляцией. Сергей висел на ремнях безопасности. Голова была неестественно вывернута вправо. Он попытался пошевелиться и не смог. Тело не слушалось. Страх не было. Было странное безразличие, которое приходит вместе с болевым шоком. Боль пряталась где-то глубоко, ожидая своего часа.

Он смотрел на капли дождя, стекающие по остаткам стекла. Дворники больше не работали. Вода собиралась в струйки, преломляя свет фар встречных машин. Где-то далеко, будто сквозь толщу воды, завывла сирена скорой. Звук то приближался, то отдалялся, пульсируя в такт с биением сердца.

— Сережа, — услышал он вдруг.

Голос был знакомый. Мягкий, с легкой хрипотцой. Так говорят только очень близкие люди ранним утром, когда еще не рассвело.

— Мам? — попытался сказать он. Губы не разжались. Собственный язык казался чужим, распухшим куском мяса.

— Ничего, сынок. Ничего. Сейчас потерпи.

Странно. Мать умерла два года назад. Сергей не поехал на похороны. Сослался на больной позвоночник и сорванную сделку. Он отправил деньги сестре и попросил все организовать. Потом сидел в пустом офисе, курил в открытую форточку, и думал что надо бы позвонить вечером. Но было уже поздно.

Сейчас ее голос был так близко, что он чувствовал запах ее духов. «Красная Москва», дешевых, приторно-сладких, которые она любила всю жизнь. Запах ворвался в салон разбитой машины и смешался с вонью бензина.

— Я устал, мам, — сказал он или подумал, он уже не различал границы. — Очень устал.

— Знаю, — голос был грустным. — Ты всегда был уставшим, Сереженька. Даже когда маленьким был. Все бежал куда-то. Торопился. Обижался много. Но ты же хороший. Ты же мой хороший мальчик.

Сознание начало меркнуть. Точнее, не меркнуть, а расслаиваться. Боль наконец догнала его, тупая, распирающая грудь изнутри, но он чувствовал ее уже не как свою, а как чью-то чужую. Границы тела стирались.

Кто-то расстегнул ворот рубашки. Чьи-то руки, грубые, в резиновых перчатках, скользили по шее, накладывая воротник Шанца. Яркий свет фонарика ударил в зрачок.

— Фиксируем. Перелом ребер, закрытая черепно-мозговая. Зрачки реагируют вяло. Давление падает.

— Вену! Катетер в вену, быстро.

Голоса. Чужие, резкие. Он хотел им сказать что он в порядке, что не надо так кричать, потому что голова раскалывается. Но рот не открывался.

А потом он провалился.

Провалился в темноту, которая была вовсе не темнотой. Это было похоже на коридор без стен. Серое ничто, в котором отсутствовали направления: верх, низ, лево и право потеряли смысл. Он не летел и не падал. Он просто перестал существовать в привычном понимании.

И вдруг — свет.

Резкий, больничный, бьющий прямо в глаза. Но Сергей видел его не своими глазами. Он смотрел на мир из другого тела.

Тело было чужим. Легким, хрупким, напряженным. Пахло хлоркой, спиртом и страхом. Сергей, а точнее та сущность которая была Сергеем, опустила взгляд вниз и увидела тонкие женские пальцы с облупленным лаком на ногтях. Розовый, дешевый лак.

Руки дрожали.

Они лежали на коленях, на синем больничном халате. Слева сидели такие же женщины. Кто-то читал журнал, кто-то смотрел в одну точку, кто-то беззвучно шевелил губами, повторяя молитву. В животе шевельнулось что-то живое, теплое, требовательное.

Страх был такой силы, что Сергея затошнило. Он никогда не испытывал такого страха. Это был не тот мужской, бодрящий адреналин перед дракой или сложным разговором с начальником. Это был липкий, холодный, животный ужас зверька, загнанного в угол.

— Алина Владимировна, — прозвучал голос медсестры.

Ноги (женские, в старых стоптанных балетках) сами подняли тело. Сергей хотел закричать: «Стойте! Я не Алина!». Но он был заперт в этой оболочке. Чувствовал как трут резинка трусов, как больно натерли дешевые колготки внутреннюю сторону бедер.

— Проходите. Врач ждет.

Ноги несли его по коридору. Каждый шаг отдавался гулким эхом. Дверь кабинета была обита дерматин, с табличкой: «Гинекологическое отделение».

Внутри пахло лекарствами и металлом. Яркая лампа на шарнире светила прямо на кресло. Железные подставки для ног, холодные инструменты на лотке, прикрытые салфеткой — все это врезалось в память будто раскаленным клеймом. Врач, усталая женщина лет пятидесяти с мешками под глазами, что-то заполняла в журнале. Она даже не подняла головы.

— Раздевайтесь ниже пояса. Ложитесь.

Тело двигалось на автопилоте. Снять халат, повесить на крючок. Трусы, старенькие, с выцветшим рисунком, стянуть медленно, стыдливо. Сестра в кресло. Холод металла обжег кожу.

Сергей никогда не чувствовал себя таким уязвимым. Лежать, раздвинув ноги, перед чужим человеком, чувствуя как по спине ползет струйка пота. В голове был не крик, нет. В голове была пустота. Звенящая, отчаянная пустота.

— Срок девять недель, — врач натянула перчатки с мерзким, влажным звуком. — Еще раз подтверждаете что решение окончательное?

— Да, — голос Алины был чужим, хриплым, как карканье вороны.

«Нет! — заорал Сергей внутри этой черепной коробки. — Нет, не надо! Одумайся!». Но его никто не слышал. Он был просто пассажиром в автобусе, который мчится к пропасти. Он чувствовал каждую эмоцию Алины, умноженную на сто. Ее одиночество. Ее отчаяние. Ее тошноту не от токсикоза, а от слов, которые он, Сергей, сказал ей тогда в кабинете: «Делай как знаешь, но я семью не брошу. И не дави на меня. Это твой организм».

«Это твой организм».

Боже, какой же он был ублюдок.

Как он не понимал этого тогда? Ведь он гордился этими словами. Думал, что повел себя мудро, дипломатично, по-взрослому. Он дал денег, он дал свободу. А на деле он просто сбросил с себя ответственность как сбрасывают мешок с плеч, вытирая пот со лба: «Фух, пронесло».

Сейчас, лежа в этом кресле, слыша как лязгают расширители, Сергей почувствовал ледяной холод, пронизывающий до костей.

— Местная анестезия, — сказала врач. — Будет немного больно. Потерпите.

Укол. Острая, пронзающая боль в шейке матки. Тело напряглось струной. Губы закусил край воротника. Сергей чувствовал соленый привкус крови во рту — Алина прокусила губу.

А потом начался звук.

Жужжащий, высокочастотный звук вакуум-аспиратора. Он проникал не просто в уши. Он вибрировал в каждой косточке, в каждом нерве. Тело Алины била крупная дрожь. Врач что-то говорила успокаивающе, но голос тонул в этом механическом вое.

И боль. Не физическая (анестезия сделала свое дело), а какая-то космическая, экзистенциальная боль утраты. Сергей физически ощутил, как что-то живое, теплое, пульсирующее покидает тело. Как рвется невидимая нить, связывающая его с вечностью.

Из глаз Алины потекли слезы. Но Сергей понимал что это уже не только ее слезы. Это плакала его душа, сжавшаяся в комок внутри этой несчастной женщины.

«Я убил, — пронеслась мысль. — Я убил своего ребенка. Не она. Я. Это я заплатил за это. Это я сказал эти слова. Я убийца».

Он попытался вспомнить лицо той Алины, с которой пил шампанское в Твери. Как она смеялась, запрокинув голову. Как доверчиво прижималась к нему ночью. Где был тот Сергей? Куда он делся? Почему сейчас он не может даже найти слов утешения, потому что его тело разбито и валяется в реанимации?

Процедура длилась вечность. Когда все закончилось, медсестра помогла ей слезть с кресла. Ноги были ватными. Между ног текло что-то теплое и липкое.

— Посидите в коридоре пятнадцать минут. Может кружиться голова.

Алина вышла в коридор. Села на ту же скамейку. Посмотрела на свои руки. Они были ледяными и белыми как мел. Она взяла телефон. Открыла мессенджер. Нашла диалог с абонентом «С. М.». Там висели серые галочки — прочитано, но ответа нет.

Она набрала: «Все кончено. Я умерла».

И стерла.

Потому что это было правдой. Часть ее души, та, что верила в чудо, в любовь, в порядочность, умерла в этом холодном кабинете. Вышла с кровью в пластиковый лоток.

Сергей смотрел на мир ее заплаканными глазами. И он запомнил каждую деталь. Трещину на потолке. Ржавое ведро в углу. Медсестру, жующую бутерброд за стойкой регистратуры. Запах хлорки.

И тишину.

Ту самую тишину, которая наступает после того, как перестает работать вакуумный насос. Самую страшную тишину в его жизни.

Тьма начала сгущаться. Контуры больницы поплыли. Сергей чувствовал, что его вытягивает из этого тела как кусок жевательной резинки через игольное ушко. Сознание сворачивалось в спираль, оставляя после себя лишь эхо и чувство невыносимой потери.

Последнее что он услышал, был шепот Алины, обращенный к себе самой:

— Зачем ты меня не любил?

Ответа не было. Была только воронка, засасывающая его обратно во мрак, в тишину реанимационной палаты, где за него дышат аппараты, а разбитое тело неподвижно лежит под зеленой простыней.

Где-то далеко заверещал кардиомонитор.

Врачи забегали. В вену влили адреналин.

Но Сергей этого уже не видел. Он все еще был там, в больнице, в чужом теле. Только на самом деле тело было не чужим. Тело было родным. Потому что именно он сделал его пустым.

Выпускной

Сергей не хотел возвращаться.

Темнота, в которой он плавал между жизнями, была удобной. Как старое кресло, принявшее форму тела. В ней не было стыда. Не было памяти о холодном металле гинекологического кресла и о том, как дрожали тонкие пальцы с облупленным розовым лаком. Тьма была милосердна.

Но тьма закончилась.

Он почувствовал рывок. Такой же резкий и грубый, как рывок вакуумного насоса, только теперь тянули не из тела, а в тело. Сознание втискивалось в новую оболочку с хрустом, с сопротивлением, будто старая одежда на мокрое тело.

Первым пришло ощущение роста.

Сергей был ниже. Плечи уже. Шея тоньше. Он стоял. Стоял и смотрел на свои руки — они оказались подростковыми, с длинными нервными пальцами пианиста, с обкусанными до мяса заусенцами. На запястье болтался дешевый плетеный браслет из кожзама. Такие продавали в подземном переходе у вокзала.

Он знал этот браслет.

Он сам подарил его сыну на тринадцатилетие. Артём тогда поморщился — подарок был куплен в последний момент в ларьке, без души, для галочки. Но браслет носил. Почти не снимая.

Теперь Сергей стоял в теле своего старшего сына. И это было страшнее чем быть Алиной. Потому что Алина была чужой женщиной, ошибкой, эпизодом. А это была его кровь. Его продолжение.

— Артём, ты скоро? — голос из соседней комнаты. Женский, усталый. Лена.

— Сейчас, мам, — сказал Артём. И Сергей почувствовал как двигаются его — нет, не его, Артёмовы — голосовые связки. Как воздух проходит через гортань. Как губы смыкаются на звуке «м».

Зеркало.

Он стоял перед зеркалом в прихожей их квартиры. Та самая прихожая, где он, Сергей, вешал пальто каждый вечер. Только сейчас он видел ее с другого ракурса. Снизу вверх. Артём был высоким для своих пятнадцати, но всё ещё смотрел на мир глазами ребенка, которому приходится заирать голову чтобы поймать взгляд отца.

В зеркале отражался худой парень с острыми ключицами и прыщами на лбу. Белая рубашка, которую гладила мать. Галстук, завязанный криво — Артём так и не научился завязывать его правильно. Отец обещал научить. Много раз обещал. Но всегда было некогда.

Сергей вспомнил этот день.

Выпускной. Девятый класс. Артём ждал его. Ждал весь вечер.

— Папа обещал, — сказал он тогда матери. — Он сказал что приедет прямо с работы. Что сделка закончится в шесть и он успеет к семи.

Мать ничего не ответила. Просто погладила его по голове. Она уже знала.

Сейчас Сергей переживал этот день заново, но не как зритель. Он был внутри. Он чувствовал как влажны ладони Артёма от волнения. Как колотится сердце где-то у горла. Как галстук душит, и хочется сорвать его к чертовой матери, но нельзя — мать старалась.

Он чувствовал надежду.

Вот что было страшнее всего. Надежда. Она жила в груди Артёма горячим пульсирующим комком. Мальчик верил. Несмотря на всё — на пропущенные дни рождения, на забытые обещания сводить в кино, на вечные «я занят, сын, давай потом». Он всё ещё верил что сегодня отец придет. Потому что выпускной — это важно. Это один раз. Это то, что не пропускают.

— Ну что, пошли? — Лена заглянула в прихожую. Она была в своем единственном приличном платье, с подкрашенными губами, причесанная. Красивая, подумал Сергей. Он давно не замечал что она красивая.

— Папа подъедет? — спросил Артём.

Голос дрогнул на слове «папа». Чуть-чуть. Почти незаметно. Но Сергей услышал. Теперь он слышал всё — каждую микровибрацию, каждую паузу между словами.

— Он сказал что постарается, — ответила Лена. И отвела глаза.

В актовом зале пахло пылью, духами и праздником. Школа была старая, еще советской постройки, с высокими потолками и облупившейся лепниной. Стулья расставили рядами. На сцене повесили транспарант: «В добрый путь, выпускники!». Буквы были вырезаны из золотистой бумаги и приколоты булавками к красной ткани.

Артём сел в третьем ряду. Место рядом с ним пустовало.

— А батя твой где? — спросил Димон, одноклассник с вечно сальными волосами и мерзкой ухмылкой.

— Задерживается. По работе, — сказал Артём.

— Ага. По работе.

Димон ничего не добавил. Просто хмыкнул. Но это «хмык» был хуже пощечины. Сергей чувствовал как кровь прилила к щекам Артёма. Как загорелись кончики ушей. Стыд. Жгучий, детский стыд, который не можешь ничем прикрыть.

Началась официальная часть. Директор, пожилой мужчина с одышкой, зачитывал фамилии. Выпускники выходили на сцену, получали аттестаты, жали руку. Родители хлопали. Кто-то свистел. Кто-то плакал.

Артём не слушал. Он смотрел на дверь.

Дверь в конце зала была деревянная, двустворчатая, с металлическими ручками. Каждый раз когда она открывалась, сердце Артёма делало кульбит. Входили опаздывающие родители — чужие мамы с цветами, чужие папы в костюмах. Они просачивались на свободные места и начинали снимать сцену на телефоны.

Отца среди них не было.

— Артём Корнеев! — объявил директор.

Артём встал. Ноги были ватными. Он пошел к сцене, чувствуя на себе взгляды. Ему казалось что все смотрят на пустое место рядом с его матерью. Что все знают. Что все шепчутся.

— Иди, сынок, — прошептала Лена.

Он поднялся на сцену. Взял аттестат — плотную картонную корочку с гербом. Директор пожал ему руку своей влажной вялой ладонью.

— Поздравляю, — сказал он.

— Спасибо, — сказал Артём.

И в этот момент он посмотрел в зал. Мать хлопала одна. Сидела на краю ряда, сжимая в руках программку вечера. Улыбалась через силу. Вокруг нее сидели полные семьи — мамы, папы, бабушки с букетами. Только у нее рядом было пустое пластиковое сиденье.

Сергей в теле сына пережил этот момент во всей его полноте. Он не просто видел одинокую фигуру жены. Он чувствовал как внутри Артёма что-то надломилось. Не сломалось окончательно — до этого еще были годы. Но трещина пошла.

«Почему я недостаточно важен? — билась мысль. — Что я сделал не так? Почему любая встреча, любой звонок, любая бумажка важнее меня?».

Потом был праздничный стол в классе. Родители скидывались на пиццу и сок. Кто-то принес торт из «Кулинарии» — бисквитный, с жирными розочками из масляного крема. Девчонки сбились в стайку и обсуждали платья. Парни вышли на крыльцо — подышать.

Артём стоял у окна и смотрел на парковку.

Он ждал.

Машины приезжали и уезжали. Белая «Тойота», красный «Солярис», черный джип. Отцовской «Киа» среди них не было.

— Может позвонишь ему? — спросила Лена подходя.

— Не надо, — сказал Артём.

— Ну, мало ли. Может забыл.

— Он не забыл, мам. Он просто не приехал.

Сергей помнил этот вечер. Вернее, помнил свою версию этого вечера. У него действительно была важная встреча. Переговоры с поставщиками из Нижнего затянулись до восьми. Потом они пошли в ресторан отмечать успешную сделку. Коньяк, закуски, разговоры о перспективах рынка. Он вернулся домой в первом часу ночи, немного пьяный и очень довольный собой.

— Как выпускной? — спросил он с порога.

— Нормально, — сказала Лена. Она сидела на кухне и пила чай. Глаза были красные.

— А чего не спишь?

— Жду тебя.

— Зря. Я же говорил что буду поздно.

— Ты говорил что приедешь на выпускной.

— Лен, ну прости. Сорвалось. Работа.

— У тебя всегда работа.

— А кто деньги зарабатывает? Кто ипотеку платит? Кто вас кормит? — он тогда завелся с полоборота. Потому что чувствовал себя виноватым, а вину Сергей всегда гасил агрессией.

Она не ответила. Просто встала и ушла в спальню.

Артёма он так и не увидел в тот вечер. Сын закрылся в своей комнате. Сергей постучал, буркнул «спокойной ночи» через дверь и пошел спать. Утром они не разговаривали. А потом как-то забылось, замылилось, ушло в прошлое.

Теперь он видел обратную сторону.

Артём после выпускного не пошел гулять с классом. Отказался. Сказал что голова болит. Мать отвезла его домой, он закрылся в комнате и лег на кровать лицом в подушку.

Сергей лежал вместе с ним. Чувствовал как грубая наволочка трёт щеку. Как в груди разливается тупая ноющая пустота.

Артём не плакал. Он был уже слишком взрослым чтобы плакать из-за отца. Он просто лежал и думал. И мысли эти были хуже слез.

«Я никто».

«Меня не существует».

«Если я исчезну, он даже не заметит. Он заметит только когда ипотека не оплатится».

Темнота в комнате сгушалась. Свет уличного фонаря пробивался сквозь неплотно задернутые шторы, рисовал на потолке желтые полосы. Где-то за стеной работал телевизор. Мать смотрела какой-то сериал, приглушив звук чтобы не мешать.

Сергей пытался кричать.

Пытался сказать сыну что он дурак, что отец любит его, просто не умеет показывать, что жизнь сложная штука и иногда приходится выбирать между семьей и работой. Но голос не слушался. Он был заперт в чужой голове как в сейфе без ключа.

И самое страшное — он понимал что это было бы враньем.

Никакого выбора не было. Была простая, примитивная шкала приоритетов. Сделка была важнее. Потому что сделка давала деньги, власть, уважение. А что давал выпускной сына? Ничего. Только моральное удовлетворение, которое не конвертируется в валюту.

Он был практичным человеком. И эта практичность теперь душила его.

Артём повернулся на бок. На тумбочке стояла фотография в рамке. Они втроем на море, пять лет назад. Артём мелкий, с выгоревшими на солнце волосами, сидит у отца на плечах. Отец улыбается. Мать стоит рядом и щурится от солнца.

Сейчас эта фотография казалась фальшивкой. Доказательством преступления.

Артём взял рамку и положил ее стеклом вниз.

— Зачем ты меня родил? — спросил он вслух. Тихо. В потолок.

Ответа не было.

Сергей чувствовал как болит тело сына. Не физически — душевно. В солнечном сплетении образовался плотный комок из обиды и невысказанных слов. Этот комок будет расти годами. Будет обрастать новыми слоями — неоправданными ожиданиями, пустыми обещаниями, холодными рукопожатиями вместо объятий. И однажды этот комок превратится в броню.

Вот оно, подумал Сергей. Вот откуда это. Артём потом станет замкнутым, угрюмым, начнет грубить матери и избегать отца. Сергей списывал это на переходный возраст. На дурное влияние улицы. На компьютерные игры. А причина была здесь. В этом вечере. В этом пустом пластиковом стуле рядом с матерью.

Время скакнуло.

Тело Артёма дернулось, и Сергей оказался в другом моменте. Позже. Наверное через пару недель.

Кухня их квартиры. Вечер. Артём сидит за столом, перед ним учебник алгебры. Отец заходит с работы. Усталый, злой. Опять пробки, опять проблемы с таможней.

— Как дела? — бросает он не глядя.

— Нормально.

— Школа?

— Нормально.

— Что ты заладил «нормально, нормально». Ты можешь разговаривать как человек?

Артём поднимает глаза. Сергей видит в них что-то новое. Какую-то холодную, взрослую отстраненность. Будто перед ним сидит не пятнадцатилетний пацан, а уставший мужик, который уже всё про тебя понял.

— А тебе правда интересно? — спрашивает Артём.

— Что?

— Школа. Дела. Тебе правда интересно, или ты спрашиваешь потому что так принято?

Сергей тогда взорвался. Накричал. Сказал что-то про неуважение, про то что он горбится на трех работах а сын неблагодарная скотина. Артём слушал молча. Не спорил. Просто смотрел этим своим новым, страшным взглядом.

Теперь Сергей был по другую сторону этого взгляда. И он понял что Артём не хамил. Он задавал честный вопрос. Ответ на который был — «нет, не интересно».

Ему правда было не интересно. Школа, друзья, увлечения сына — всё это казалось мелочью. Пылью. Настоящая жизнь была в офисе, в переговорах, в цифрах квартального отчета. А сын был просто частью быта. Как диван. Как телевизор. Функция, которая должна работать — приносить оценки, не болеть, не создавать проблем.

— Ты слабак, — сказал Артём в тот вечер отцу.

И получил пощечину.

Сейчас Сергей почувствовал эту пощечину на своей щеке. Кожа загорелась. Глаза наполнились влагой, но Артём сдержался. Не заплакал. Просто встал и вышел из кухни. И с того дня перестал называть его папой. Обращался только «ты» или вообще никак.

Сергей лежал в кровати сына и смотрел на потолок. Он вспоминал свои мысли того вечера: «Ничего, переберется. Жизнь его научит уважать отца».

Жизнь научила.

Научила сына тому что отец — это не опора. Не защита. Это человек, который появляется на горизонте раз в несколько дней, кричит, требует, критикует и снова исчезает. Человек, которому ты не важен. Которому ты просто мешаешь.

Тьма начала наползать с углов комнаты. Сергей знал этот симптом — его выдергивало из этого тела. Он цеплялся за сознание Артёма как утопающий за соломинку, пытаясь передать ему хоть что-то. Любовь? Раскаяние? Просто сигнал: «Я здесь, сын. Я понял. Прости».

Но сигнал не проходил.

Между ними была стена из лет, из слов, из непрожитых вместе дней. И эту стену нельзя было пробить изнутри чужого сознания. Ее можно было только разобрать по кирпичику, день за днем, год за годом. Но было уже поздно.

Последнее что увидел Сергей перед тем как провалиться обратно во тьму — это лицо сына в зеркале ванной. Артём стоял ночью, босиком на холодном кафеле, и смотрел на свое отражение. Глаза у него были отцовские. Серые, с тяжелыми веками. Он их ненавидел.

— Я никогда не стану таким как ты, — прошептал он своему отражению.

И это была клятва.

Сергей хотел ответить: «Правильно. Не становись». Хотел сказать что Артём лучше, чище, сильнее. Что он имеет право ненавидеть. Что эта ненависть — правильная, заслуженная, справедливая. Но рот уже не слушался. Тело сына растворялось. Комната ванной поплыла, теряя очертания.

Тьма приняла его обратно.

Но теперь в этой тьме звучал голос. Юношеский, ломкий, полный горечи:

«Почему ты меня не любил?»

А следом — второй голос, женский, усталый:

«Зачем ты меня не любил?»

Они сплетались в дуэт. И Сергей не мог заткнуть уши. Потому что ушей у него больше не было.

Была только память. И чувство вины. И понимание что это только начало.

Сорок сантиметров

Тьма больше не была тихой.

В ней поселились голоса. Два голоса — женский и юношеский. Они переплетались, накладывались друг на друга, создавая мерзкий диссонанс, от которого хотелось выть. Сергей пытался закрыть уши, но ушей не было. Он пытался зажмуриться, но глаз не было тоже. Оставалось только ждать.

Третий переход начался иначе.

Если первые два были рывками — грубыми, механическими, как удар током — то этот был плавным. Текучим. Он не втискивался в чужое тело, а будто просачивался в него сквозь поры. Как холодная вода проникает в ботинки, когда наступаешь в лужу. Медленно, неотвратимо.

Первым пришло ощущение ткани.

Грубая синтетика терла шею. Галстук. Затянутый слишком туго, так что кадык упирался в узел при каждом глотке. Потом — запах. Пахло потом, старым одеколоном и страхом. Страх пахнет кислым. Так пахнет молоко, которое прокисло в пакете, забытом на солнце.

Сергей открыл глаза. Вернее, не свои глаза. Глаза человека, в которого он вселился.

Перед ним было зеркало. Маленькое, мутное, в пластиковой оправе. Такие вешают в общественных туалетах — чтобы не разбили и не украли. Но это был не общественный туалет. Это была офисная уборная. Кафельная плитка грязно-бежевого цвета. Ржавые подтеки вокруг крана. Обмылок в мыльнице.

Человек в зеркале был Сергею знаком.

Игорь Малышев. Тридцать семь лет. Старший менеджер отдела снабжения. Точнее, бывший старший менеджер. Сергей уволил его год назад.

Он помнил этот день. Помнил как Малышев стоял в его кабинете и мял в руках трудовую книжку. Как у него дрожали губы. Как он говорил: «Сергей Михалыч, ну куда я пойду? Мне сорок лет через три года. Кому я нужен? У меня ипотека. У меня жена не работает, у нее спина больная. Дайте испытательный срок, я исправлюсь».

Сергей тогда ответил что-то про оптимизацию штата. Про то что компания переживает трудные времена. Про то что он лично ничего не имеет против Малышева, но таковы реалии рынка.

Обычный набор штампов. Отработанная годами процедура.

Он даже не запомнил выражение лица Малышева в тот момент. Потому что смотрел не на него, а в монитор. Там висело письмо от регионального директора с пометкой «срочно».

Теперь он смотрел в глаза Малышеву через зеркало. И видел то, что не видел тогда.

Опустошение.

Вот что было в этих глазах. Не гнев, не обида — с ними еще можно работать, из них можно черпать энергию для борьбы. Нет, там была именно пустота. Как в выпотрошенной рыбе на прилавке. Все внутренности вынули, осталась только оболочка.

Руки Малышева дрожали. Он поправлял галстук перед зеркалом — нервным, дерганным движением. Узел не слушался. Пальцы соскальзывали. Он пытался снова и снова, пока наконец не получилось что-то похожее на нормальный узел.

— Так, — сказал он своему отражению. Голос был сиплый, будто с похмелья. Но он не пил. Он вообще почти не пил — Сергей знал это по корпоративам. Малышев всегда сидел в углу с бокалом сока, улыбался натянутой улыбкой и уходил ровно в десять. Жена ждала.

Сегодня он был в костюме. В том самом, в котором ходил на работу. Единственный приличный костюм. Серый, в тонкую полоску. На лацкане — крошечное пятнышко от кофе, которое он так и не смог отстирать. Жена пыталась вывести перекисью, но стало только хуже.

Сергей знал этот костюм. Потому что видел его каждый день в офисе. Малышев сидел за столом напротив, через проход от переговорной.

«Надо было купить новый», — подумал Сергей и тут же устыдился этой мысли. При чем тут костюм?

Малышев вышел из уборной. Коридор был пустой и гулкий. Каблуки стучали по линолеуму. Стены, выкрашенные казенной светло-зеленой краской. Лампы дневного света, которые противно жужжали. Где-то капала вода.

Это была не офисная высотка с панорамными окнами. Это была старая пятиэтажка на окраине, где сдавали площади под мелкие конторы. В одной комнате — бухгалтер, в другой — риелтор, в третьей — мастер по ремонту телефонов. Малышев арендовал здесь угол за копейки, пытаясь начать свой бизнес. Консультации по закупкам. Помощь в тендерах. Что-то такое.

Сергей знал об этом. Кто-то из бывших коллег рассказывал. Мол, Малышев открыл ИП, сидит в какой-то дыре, рассылает коммерческие предложения. Тогда Сергей хмыкнул и забыл. Сейчас он шел по этому коридору ногами Малышева и чувствовал как в груди клокочет отчаяние.

Кабинет был крошечный. Десять квадратов. Стол, стул, шкаф для бумаг. На подоконнике — электрический чайник и банка растворимого кофе. На стенах — таблицы с техническими характеристиками оборудования. Малышев сел за стол и открыл ноутбук. Старый «Леново», который грелся так что обжигал колени.

Почта.

Он открыл почту и начал проверять входящие. Палец механически кликал по ссылкам. Отказ. Отказ. Автоответ. Спам. Отказ.

Сергей чувствовал как с каждым кликом внутри Малышева что-то сжимается. Диафрагма? Сердце? Трудно сказать. Просто темный комок где-то под ложечкой, который становился все плотнее и плотнее.

— Добрый день, Игорь. Благодарим за ваше предложение. В настоящий момент мы не заинтересованы...

Шаблон.

— К сожалению, вынуждены отказать...

Шаблон.

— Ваша кандидатура не соответствует требованиям вакансии. Мы сохраним ваше резюме в базе...

Шаблон, шаблон, шаблон.

Малышев закрыл ноутбук. Посидел минуту, глядя в стену. Потом встал и подошел к окну.

За окном был ноябрь. Голые ветки тополей. Серое небо. Машины, припаркованные у тротуара. Женщина с коляской. Дворник в оранжевой жилетке. Обычная жизнь. Простая, доступная всем кроме него.

— Шесть месяцев, — сказал он вслух. — Шесть месяцев без работы.

Сергей помнил цифры. Малышев работал в компании восемь лет. Пришел рядовым специалистом, вырос до старшего менеджера. Не хватал звезд с неба, но был надежным. Как старый «Фольксваген» — не гоночный болид, но доедет куда надо. А потом случилось сокращение. Региональный директор прислал разнарядку — убрать пятнадцать процентов штата. Сергей составил список за один вечер. Малышев был в нем третьим сверху.

Причина? Да никакой особой причины. Просто у Малышева не было «крыши». Не было друзей в высшем руководстве. Не было родственников среди учредителей. Он был просто хорошим работником, а хороших работников увольнять безопаснее всего. Они не пойдут в суд. Они не устроят скандал. Они просто соберут вещи в коробку и уйдут.

И он ушел.

Сергей тогда еще подумал: «Ничего, найдет другую работу. Рынок большой».

Рынок оказался не большим. Вернее, большим, но не для таких как Малышев. Сорок лет — это уже приговор для многих эйчаров. «Возрастной кандидат». «Не впишется в молодой коллектив». «Слишком дорогой». А если ипотека, жена с больной спиной и ребенок-студент — то ты соглашаешься на любые условия. А потом тебе говорят что ты «overqualified». Слишком квалифицирован. Это значило — ты слишком хорош чтобы работать за копейки, но недостаточно хорош чтобы платить тебе по-настоящему.

Телефон Малышева завибрировал. Жена.

— Да, Оль.

— Ты домой когда?

— Скоро.

— Ты говорил «скоро» вчера. И позавчера. И неделю назад. Ты работу нашел?

Голос жены был резким. Металлическим. Но Сергей слышал под этой резкостью другое — страх. Она не пилила его. Она боялась. За себя, за него, за дочь которая на втором курсе и хочет перевестись на платное отделение.

— Я работаю над этим, — сказал Малышев.

— Что значит «работаю над этим»? Ты год уже «работаешь над этим»! Ты мужик или кто? Мужчина должен обеспечивать семью!

— Оль, давай не сейчас.

— А когда? Когда мы на улице окажемся? Ты знаешь что банк звонит уже каждый день?

Ты знаешь что коллекторы...

— Я знаю. Я все знаю.

Он нажал отбой. Положил телефон на стол экраном вниз. Руки дрожали еще сильнее.

Сергей чувствовал как внутри Малышева закипает что-то темное. Не гнев на жену. Гнев на себя. Липкий, удушливый, как рвота которая подступает к горлу но не выходит.

«Я никчемный. Я бесполезный. Я не могу даже семью прокормить».

Он снова подошел к окну. Прижался лбом к холодному стеклу. Стекло запотело от дыхания.

А потом Сергей почувствовал это. Мысль. Сначала робкую, едва заметную. Как мышонок который скребется под полом. Малышев гнал ее. Давил. Но она возвращалась.

Веревка.

В хозяйственном магазине на первом этаже продавалась бельевая веревка. Сорок метров за двести рублей. Сорок метров — это много. Хватит на всё.

— Нет, — прошептал Малышев. — Нет, я не буду об этом думать.

Но он уже думал.

Сергей пытался остановить его. Пытался крикнуть: «Игорь, не смей! У тебя дочь! Жена! Ты найдешь работу, я помогу, я устрою тебя обратно, я все исправлю!». Но крик застревал где-то между сознаниями. Как комар в янтаре.

Малышев отошел от окна и сел обратно за стол. Достал из ящика лист бумаги. Ручку. Начал писать.

«Оля, прости меня. Я больше так не могу...»

Порвал.

«Доченька, папа тебя любит. Но я устал...»

Порвал.

«Я не справился. Простите...»

Этот он оставил. Сложил вчетверо и убрал в карман пиджака.

Потом встал, надел пальто и вышел из офиса. Ключ повернулся в замке с сухим щелчком. Он больше сюда не вернется.

Путь до дома занимал сорок минут. Метро, потом автобус. Малышев сидел у окна и смотрел как проплывают мимо жилые массивы. Панельные многоэтажки. Бесконечные ряды

одинаковых окон. В каждом окне — чужая жизнь. Чужие проблемы. Чужие радости. Ему не было до них дела, и им не было дела до него. Он был один в огромном городе, как песчинка в бетономешалке.

Автобус трясло на ямах. Малышева подбрасывало на сиденье, и голова билась о стекло. Сергей чувствовал каждую кочку. Чувствовал как холодный воздух из щели в раме дует на щеку. Чувствовал как немеют пальцы в тонких перчатках — зимние он так и не купил, экономил.

Вышел на своей остановке. Остановка называлась «Улица Строителей», но ничего тут не строили. Только старые хрущевки, облезлый ларек с шаурмой и аптека.

В аптеку он зашел.

— Что-то для сна, — сказал он девушке за прилавком. — Самое сильное что есть без рецепта.

Девушка равнодушно скользнула по нему взглядом. Протянула упаковку. Он заплатил мелочью, ссыпал ее из кармана. Пара монет упала на пол, но он не стал поднимать.

Дом. Подъезд. Запах кошек и старого мусоропровода. Лифт не работал уже месяц. Малышев поднялся на четвертый этаж пешком, останавливаясь на каждом пролете чтобы отдышаться. Сердце колотилось. Не от нагрузки — от страха.

Дверь квартиры номер сорок два. Дерматиновая обивка, протертая до поролона. Звонок не работал — сломался еще весной, а починить руки не доходили. Малышев постучал.

Открыла жена. Ольга. Маленькая, худая, в застиранном халате. Волосы собраны в пучок. Глаза уставшие, с красными прожилками.

— Явился, — сказала она.

— Явился, — сказал он.

— Есть будешь? Суп остался. Вчерашний.

— Не хочу.

Он прошел в комнату. Сел на диван. Диван был старый, с продавленными пружинами. Они впивались в спину. Малышев смотрел в телевизор, который не был включен, и видел в черном экране свое отражение. Оно было тусклым, как старая фотография.

Сергей в этот момент понял страшную вещь. Малышев не был психом. Не был сумасшедшим. Не был слабаком. Он был просто человеком, который честно пытался. Который делал все что мог. И которому система не оставила шансов. Система, частью которой был сам Сергей. Это он поставил подпись под приказом об увольнении. Это он сказал те слова: «Ничего личного, Игорь. Бизнес есть бизнес».

Бизнес есть бизнес.

А человек — не бизнес. Человек — это то, что остается когда бизнес заканчивается.

Вечер наступил быстро. Осенние сумерки сгустились в комнате. Жена легла спать рано — у нее болела спина, и она приняла обезболивающее которое вызывало сонливость. Дочь ночевала у подруги, готовилась к экзамену. Малышев остался один.

Он сидел на кухне. Перед ним стояла открытая упаковка снотворного и стакан воды. Десять таблеток. Достаточно чтобы уснуть. Недостаточно чтобы наверняка. Поэтому еще веревка.

Бельевая веревка лежала на столе. Аккуратно свернутая кольцами. Малышев купил ее неделю назад, когда впервые подумал о том о чем нельзя думать. С тех пор она ждала своего часа в нижнем ящике комода, под старыми простынями.

Он размотал ее. Проверил на прочность — натянул между руками, дернул. Выдержала.

Встал на табуретку. Перекинул веревку через крюк для люстры. Люстру они сняли год назад — она была старая, советская, с пластмассовыми висюльками. Остался только крюк в потолке. Крепкий такой крюк, намертво вбитый в бетонную плиту. Строили на совесть в те времена.

Петля. Он не умел вязать петлю. Пальцы не слушались. Пришлось искать в интернете. «Узел Линча» — называлось это в поисковой строке. Сергей чувствовал как холодный пот течет по спине Малышева. Как колотится сердце где-то в горле. Как дрожат колени.

— Господи, — прошептал Малышев. — Прости меня. Прости меня, Господи.

Он не был верующим. Но сейчас, стоя на табуретке с петлей в руках, он молился. Не Богу даже — кому-то. Всем. Никому.

Сергей кричал. Кричал внутри чужой головы, раздирая связки которых у него не было. Он пытался остановить это тело, эти руки, эти пальцы которые затягивали узел. Но тело не слушалось. Оно принадлежало Малышеву, а Малышев уже принял решение.

Он надел петлю на шею.

Веревка была грубой, колючей. Она сразу начала тереть кожу. Сергей физически ощутил как синтетические волокна впиваются в кадык. Малышев постоял так секунду. Две. Три.

Потом оттолкнул табуретку.

Удар.

Не было плавного удушения как в кино. Был резкий рывок, от которого хрустнули шейные позвонки. Боль — дикая, ослепительная, заполнившая всё тело разом. А потом — спазм. Горло сжалось, перекрыв доступ воздуха. Легкие горели. Тело задергалось в конвульсиях, ноги забили по воздуху, пытаясь найти опору которой больше не было.

Сергей умирал вместе с Малышевым.

Он чувствовал как темнеет в глазах. Как в голове взрываются фейерверки от кислородного голодания. Как мочевого пузыря произвольно опорожняется — последнее унижение тела перед смертью. Он чувствовал каждую секунду этой агонии. Сорок секунд. Может быть минуту. Может быть вечность.

Последней мыслью Малышева была не молитва и не проклятие. Последней мыслью было: «Сергей Михалыч... за что?»

За что? За плохой квартальный отчет? За то что не выполнил план по закупкам на три процента? За то что попал под сокращение которое придумали в головном офисе?

Сергей не знал ответа. Потому что ответа не было. Был просто бизнес. Просто цифры в таблице. Просто человек, который оказался не в то время не в том месте.

Тьма накатила волной. Но перед тем как окончательно провалиться в нее, Сергей увидел еще кое-что.

Кухня. Раннее утро. Солнце только начинает пробиваться сквозь грязные занавески. Дверь открывается. На пороге стоит Ольга в ночной рубашке. Она пришла попить воды. Или проверить почему муж не лег спать.

Она видит его.

Ее лицо не меняется в первую секунду — мозг отказывается обрабатывать информацию. Просто женщина смотрит на мужа который висит под потолком, и не понимает что это значит. А потом — крик. Нечеловеческий, животный вой, который разбудил всех соседей на этаже. Крик матери, жены, вдовы. Крик который Малышев уже не услышал. Но Сергей услышал.

Он слышал его пока тьма не сомкнулась окончательно. И этот крик присоединился к хору голосов которые теперь жили в его голове. Алина: «Зачем ты меня не любил?». Артём: «Почему ты меня не любил?». И теперь новый голос — голос мертвого Малышева, который ничего не спрашивал, а просто беззвучно смотрел из-под полуопущенных век с неммым укором.

— Я не хотел, — прошептал Сергей в пустоту. — Я не знал.

Но пустота не отвечала. Она просто ждала. Потому что это был только третий круг.

Красная Москва

Голосов стало три. Они больше не звучали по отдельности — теперь это был хор. Три голоса, три тональности, три ритма. Они накладывались друг на друга как грязные пятна на стекле, сквозь которое уже не видно солнца. Сергей пытался отделить один от другого, но не мог. Алина говорила про любовь. Артём — про пустоту. Малышев молчал, но его молчание было громче крика.

А потом добавился четвертый.

Четвертый голос был самым тихим и самым страшным. Он не кричал. Не обвинял. Не спрашивал. Он просто ждал. И в этом ожидании было что-то такое древнее и невыносимое, что Сергей хотел умереть — окончательно, бесповоротно, без возврата. Но смерть была недоступной роскошью. Он был заперт между мирами как преступник в карцере, и каждая новая жизнь была новой камерой.

Переход начался с запаха.

Запах духов «Красная Москва». Тяжелый, сладкий, приторный. Так пахнет молодость которая давно прошла. Так пахнет старость которая пришла незаметно. Так пахла его мать.

Сергей открыл глаза и увидел потолок. Побелка, пожелтевшая от времени и папиросного дыма. Трещина, бегущая от угла к люстре. Люстра старая, трехрожковая, с тканевыми абажурами которые когда-то были белыми а теперь стали серыми от пыли. Он знал этот потолок. Смотрел на него в детстве когда болел и не шел в школу. Смотрел когда приезжал на каникулы из института. Смотрел когда приезжал на выходные уже взрослым, с женой и детьми. Пока не перестал приезжать.

Он был дома.

В том самом доме где вырос. Где прошли первые семнадцать лет его жизни. Маленькая двушка на окраине районного центра. Кухня шесть метров. Ванная совмещенная. Балкон, заваленный старыми банками и лыжами которые никто не выкидывал потому что «жалко, вдруг пригодятся».

Тело было чужим. Опять. Но на этот раз чужое тело было странно знакомым. Будто он носил его когда-то давно, в прошлой жизни, а потом забыл. Руки лежали поверх одеяла — тонкие, с выпирающими венами и пигментными пятнами. Пальцы скрючены артритом. Ногти коротко подстрижены и покрыты бесцветным лаком — старая привычка, советская еще, «чтоб аккуратно было».

Тело его матери.

Вернее, тело Тамары Петровны Корнеевой, семидесяти четырех лет, вдовы, матери двоих детей. Бывшей учительницы математики. Женщины которая одна подняла двоих после смерти мужа. Которая отказывала себе во всем чтобы у детей было не хуже чем у других.

Сергей лежал в ее кровати и чувствовал как болит спина. Старая боль, привычная. Межпозвоночная грыжа которую она заработала таская тяжелые сумки с тетрадами. Болит каждый день, особенно по утрам когда надо вставать. Но сегодня было особенно плохо. Что-то давило в груди. Не сильно, не остро — просто неприятно, как будто кость застряла в горле.

Она этого еще не знала. Но Сергей знал. Потому что он уже прожил этот день два года назад со своей стороны. Со стороны сына который получил звонок от сестры: «Сережа, мама умерла».

Теперь он видел этот день с другой стороны.

Тамара Петровна осторожно села на кровати. Движения были медленные, выверенные. Она привыкла беречь спину. Ноги нащупали тапки — старые, растоптанные, с задниками которые она смяла чтобы легче было надевать. Встала. Поправила ночную рубашку. Пошла на кухню.

Кухня встретила ее запахом вчерашнего супа и сырости из-под раковины. Кран подтекал уже месяц. Она звонила сыну просить починить. Сын сказал что занят. Сын сказал что пришлет мастера. Мастер не пришел.

— Ничего, — сказала она вслух. — Сами с усами.

Включила чайник. Достала из шкафчика пачку дешевого индийского чая со слонком. Ложечка заварки. Кружка с отбитой ручкой — любимая, с незабудками. Кружка ждала ее каждое утро.

Сергей помнил эту кружку. Ему было лет десять когда они с матерью пошли в универмаг и он уговорил ее купить именно эту. Потому что цветы красивые. Мать тогда долго вертела ее в руках, смотрела цену, сомневалась. А потом купила. И с тех пор пила чай только из нее.

Он не вспоминал об этой кружке двадцать лет. А сейчас, глядя на нее глазами матери, он помнил каждую трещинку на эмали.

Чайник закипел. Она налила кипятком, села за стол. За столом было пусто. Раньше, когда Сергей был маленький, по утрам они завтракали вместе. Каша, бутерброды с маслом, чай. Он спешил в школу, она на работу. Вечно торопились, вечно спорили из-за шапки («надень шапку, холодно» — «мам, ну я уже большой»). Тогда это казалось рутиной. Сейчас это казалось счастьем.

Тамара Петровна пила чай и смотрела в окно. За окном был серый двор, ржавые качели, береза которую посадили еще при строительстве дома. Береза облетела, стояла голая. Ноябрь. Или декабрь. Она уже путалась в днях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.